

Владимир Александрович Бессонов

Есть еще имена...

**К выходу в свет первой книги («А–З»)
первого тома «Московской энциклопедии» (М., 2007)**

Это — очередная попытка обозреть Москву «с высоты времени» (две другие имели место в 1980 и в 1997 годах). Готовить статьи для энциклопедии непросто. Автор обязан перелопатить кучу журналов, книг, архивных материалов, чтобы потом «выложить» на бумагу сухой экстракт, содержащий, допустим, все о Есенине, все о Блоке, все об актере Юрии Богатыреве, сыгравшем главную роль — Филиппка — в фильме Ильи Авербаха (по сценарию Е. Габриловича)... Ну, не все, но почти все. И в книге такие статьи присутствуют. Они написаны с блестящим знанием людей, о которых ведется речь, и построены так: годы жизни, что делал, где учился, где работал, чем был знаменит, где жил и где похоронен. Никаких «красивостей», ника-

кой идеологии — только факты. Вот лишь один пример — статья «Дункан Айседора Анжела (Duncan Isadora)». Автор — Н. Н. Митрофанов. Здесь спрессована вся биография американской танцовщицы, ставшей на время женой Сергея Есенина. Малоизвестные детали: встреча с Н. И. Подвойским, руководителем Всевобуча, принятие советского гражданства, школа Дункан в советской России (она, оказывается, просуществовала аж до 1949 года), приемная дочь Ирма (полное имя — Ирма Доретта Генриетта Эрих Гримм)... Добавлю от себя: босо-

«ПРОПУЩЕННЫХ» ИМЕН В «МОСКОВСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ» НЕМНОГО, НО ОНИ ЕСТЬ, И СТОИТ ИХ ЗДЕСЬ НАЗВАТЬ С ТЕМ, ЧТОБЫ ПРИ ПЕРЕИЗДАНИИ МЭ (КОТОРОЕ, КОНЕЧНО, КОГДА-НИБУДЬ СОСТОИТСЯ) ЭТИ ИМЕНА ЗАНЯЛИ В НЕЙ СВОЕ ЗАКОННОЕ МЕСТО.

ножкой (автор забыл «прозвище») ее назвал писатель В. П. Кранихфельд, участвовавший в организации Музея революции в Москве (до октября 1917 года). Интересно, получит ли он «прописку» во второй книге первого тома МЭ, выход которой из печати вот-вот ожидается?

Несколько слов об иллюстрациях — фотографиях, рисунках, картинах. Составители проделали огромную поисковую работу и представили снимки, ни разу не публиковавшиеся и едва известные: поэт Д. Алтаузен, актер Б. Ф. Андреев, актриса М. Ф. Андреева (жена А. М. Горького), философ М. М. Бахтин, футболист К. И. Бесков, театральный режиссер Н. Ф. Балиев, историк М. Я. Гефтер, поэт С. П. Гудзенко, литературовед Н. К. Гудзий... Впервые в статьях даются поистине бесценные сведения: все адреса, по которым жили персонажи, места их захоронения.

Однако нельзя объять необъятное. Я не первый, кто заметил в книге «пустоты». «Пропущенных» имен немного, но они есть, и стоит их здесь назвать с тем, чтобы при переиздании МЭ (которое, конечно, когда-нибудь состоится) эти имена заняли в энциклопедии свое законное место. Автор не силен в медицине, математике, астрономии и других подобных дисциплинах, его предмет — гуманитарная тема. К данной сфере мы и обратимся.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ И ВЫПИСКИ

* * *

Кто до революции не знал в Москве «Товарищества В. Венгерова и В. Гардина»? Режиссер немого кино **Владимир Ростиславович Гардин** (1877–1965) имел за плечами богатый актерский театральный опыт и постановки фильмов «Анна Каренина», «Война и мир», «Дворянское гнездо», выдвинувшие его в ряд ведущих русских кинематографистов («Войну и мир» Гардин режиссировал в соавторстве с А. Я. Протазановым; много позже, в 1965 году, он поставит «Войну и мир» вместе с Сергеем Федоровичем Бондарчуком). Случай сводит его с богатым московским предпринимателем В. Г. Венгеровым. Вновь образованное «Товарищество» берет своей эмблемой летящую чайку — по мысли компаньонов, «родственницу» той, что украшает занавес МХТ. Возводится летний съемочный павильон в Петровском парке; контора фирмы оборудуется в одной из квартир дома Нирнзее в Большом Гнездиновском переулке (№ 430), а по соседству селится сам режиссер (в квартире № 431). Следующим шагом «Киночайки» стало строительство зимнего съемочного павильона на крыше все того же дома Нирнзее. Впервые в России Гардин решил открыть школу для подготовки молодых работников кино. В программу школы должны были войти изучение процесса киносъемки, техники грима, танцы и даже... вождение автомобиля. Однако зимой 1916 года Гардин уходит от Венгерова и... вообще из кино, куда он вернется в августе 1919-го и станет первым директором Государственной киношколы (впоследствии — ВГИК). Осиротевшая без Гардина «Киночайка» была переименована в «Меркадор», но просуществовала в этом облике лишь до 1918 года. Дело Гардина, впрочем, не пропало: Венгерову удалось увезти из Москвы часть технического оборудования и негативы фильмов — вначале на юг России, а затем в Германию, где он в 1920-х годах довольно успешно занимался киносинематографическим бизнесом.

В Санкт-Петербурге на доме, где с 1925 по 1965 год жил В. Р. Гардин, установлена мемориальная доска. Да, в первопрестольной он пробыл не столь долго, но успел сделать здесь немало яркого, искрометного! И москвичам об этом не стоит забывать.

*Владимир Ростиславович Гардин
в роли Порфирия Головлёва
в фильме «Иудушка Головлёв»
(1934)*

* * *

*Давид Григорьевич
Гутман в роли
майора Мак-Набса
в фильме «Дети
капитана Гранта»
(1936)*

Первым открыл зрителям «сыгранную» Александром Вертинским волшебную маску Пьеро московский режиссер **Давид Григорьевич Гутман** (1884–1946). Его тоже подзабыли. А ведь он являлся одним из основателей московского Театра Сатиры. Проживал в не сохранившемся до нашего времени доме № 4 (квартира 42) на Страстном бульваре, где в 1923–1925 годах располагалось русское отделение журнала «Россия», редакция которого находилась в Берлине. Номер телефона у Гутмана был прелюбопытный — 5-55-55, ныне такие имеют только очень «крутые» люди. Он устраивал у себя знаменитые в театральном московском мире балы-маскарады: приглашенные строжайше предупреждались, что «в узнаваемом виде в дом допущены не будут». Особенно любил гутмановские «посиделки» писатель Исаак Бабель.

Новый театр открылся 1 октября 1924 года (ранее Гутман руководил 1-м Московским Театром революционной сатиры

на Большой Никитской улице). А задумывалось все в конце 1917-го. 26 декабря, когда многие из Москвы бежали, закрывались газеты и журналы, в 10 часов вечера состоялось первое заседание кружка с весьма подходящим для того времени названием: «Подполье друзей театра». Уже были отпечатаны пригласительные билеты (и где отыскивали типографию, нашли редкую бумагу?), названы организаторы кружка — Д. Гутман, М. Арцыбашев, И. Джонсон, Е. Иванов, А. Каменский, А. Малашкин, Н. Орешкин¹. С большой долей вероятности можно предположить, что упомянутое заседание так и осталось единственным...

Под руководством Д. Гутмана в первые годы существования МТС здесь шли сатирические обозрения, создававшиеся коллективом авторов — А. Арго, В. Ардовым, Н. Вольпиным, Л. Никулиным, В. Массом, В. Типотом, Н. Эрдманом. Местом «дислокации» театра стал театральный подвал бывшего дома Нирнзее. В день премьеры (спектакль «Москва с точки зрения» В. Типота и Н. Эрдмана) в суматохе забыли сменить занавес, оставшийся от размещавшегося до этого в подвале театра «Кривой Джимми». «Занавес с розочками — это нож в спину сатиры! — ужаснулся Гутман. — Немедленно снять его, уничтожить как класс!» Тут же на старое полотнище нашили крест-накрест кумачовые полосы, которые символически перечеркнули запылившиеся «мещанские розочки»...

В 1929 году Гутман переехал в Ленинград — в местный Театр Сатиры. Вот почему о нем помнят в городе на Неве, но совершенно забыли в Москве.

* * *

В МЭ имеются статьи о двух Гунстах — отце и сыне — Анатолии Оттовиче, архитекторе и педагоге, и Евгении Анатольевиче, переводчике и коллекционере. Отсутствует статья об отце семейства — **Отто Карловиче Гунсте** (1834–1891). Но это можно понять: он был малоизвестным архитектором; правда, содержал в Москве классы изящных искусств, куда поступала юная Вера Мухина, («срезавшаяся» на первом же экзамене). О. К. Гунст приобрел двухэтажный особняк в Староконюшенном переулке, 4, построенный в 1817 году. Одно время особняком владела А. В. Давыдова — сестра поэта-партизана, вышедшая замуж за Д. Н. Бегичева, у которого в гостях бывали А. С. Грибоедов, В. К. Кюхельбекер, В. Ф. Одоевский, композитор А. Н. Верстовский... Здание так и называли — дом Бегичева, хотя правильнее было бы — дом Бегичева-Гунста.

О втором сыне Отто Карловича, композиторе **Евгении Гунсте** (годы жизни его пока неизвестны), нет сведений даже в «Энциклопедическом музыкальном словаре» (М., 1966), а между тем в музыкальной Москве его знала «каждая скрипка»! Он состоял директором-казначеем Союза деятелей искусства, председателем Московского общества распространения камерной музыки, писал в театральные журналы — «Рампа и жизнь», «Театр и искусство», «Маски». На 1910-е годы пришелся

Одна из первых афиш Московского Театра Сатиры

Надгробие на могиле О. К. Гунста на Ваганьковском кладбище

пик его композиторской и писательской карьеры: он постоянно выступает с симфоническими концертами, выпускает книгу «А. Н. Скрябин и его творчество» (М., 1915), моментально превратившую автора в «адепта Скрябина» (так его и стали величать).

Обложка книги
Е. О. Гунста
об А. Н. Скрябине

В Московской консерватории Е. О. Гунст учился у выдающихся музыкантов — Р. М. Глиэра и А. Б. Гольденвейзера, сочинял музыку и для романсов (на стихи А. Н. Апухтина), и «Жертвенные песнопения» (на слова Р. Тагора), и каноны для органа.

О том, что после 1917 года Евгений Оттович Гунст «исчез» из России, говорит следующий факт: на Ваганьковском кладбище, где похоронены Отто Карлович, его сын Анатолий Оттович и внук Евгений², нет могилы композитора. Авторы «Московской энциклопедии», кстати, неправильно указали в качестве места упокоения Гунстов Введенское кладбище — таких имен там не числится³.

Что же мы имеем? «Советские» члены семьи в МЭ присутствуют, а Евгений Оттович, уехавший за границу, оказался вычеркнут из рода и из истории родной Москвы. Так поступить, конечно, не хотели — но так вышло...

* * *

Писатель Александр Иванович Вьюрков (1885–1957) — автор книги «Рассказы о старой Москве» (М., 1948): интереснейшей, с множеством неизвестных ранее фактов. Он родился в Москве, жил в Москве (Казарменный переулок, 8, квартира 73; его соседом по дому был другой москвовед — Ю. А. Федосюк), писал о Москве. Но его незаслуженно забыли.

Книга Вьюркова для интересующихся прошлым и настоящим нашей столицы оказалась на тот момент поистине глотком свежего воздуха. Классический труд в этом жанре — «Москва и москвичи» В. А. Гиляровского — последний раз издавался в 1935 году и после долгого перерыва вышел только в 1955-м. Понадобилось даже вступительное слово К. Паустовского, чтобы напомнить читателю, кто такой «дядя Гиляй». Чем же читатель тогда «питался»? Беру наугад книги о Москве и москвичах 1948 года: «Московские большевики в стачечных боях 1905 года» Л. В. Богуцкой, «Великий Октябрь в Москве» И. И. Минца, «Революционная Москва» А. М. Панкратовой... А что для души? Ничего.

Книга Вьюркова так и дышит поэзией: «Вышел с тихой Остоженки к Пречистенским воротам и невольно остановился, изумленный московским пейзажем. Справа тонуло в садах обширное Замоскворечье. Вдали, на горе, красовался Кремль. Слева белели классические колонны Музея изящных искусств»...

До войны он собирал отзывы на рукопись «Москвы-матушки» (первоначальное название книги). В числе прочих откликнулись Н. И. Замошкин («Автор — неплохой рассказчик, он как бы устно пишет»), Н. Н. Никандров («Вот книжка, за чтением которой не заскучаешь!»), Т. Л. Щепкина-Куперник

А. И. Вьюрков.
Рисунок А. Ольхова

(«Правдивость, наблюдательность и объективность — вот ее внутренние достоинства»)... Были, правда, и недовольные — например, писатель А. Г. Митрофанов (автор повести «Ирина Годунова»): «Наивно это, старо. Многое из того, что сообщает автор, сообщил нам в свое время москвич Гиляровский» (все «рецензии» помечены 1940 годом).

А вот мнение Михаила Михайловича Пришвина: *«Я прочитал вслух Ваш первый рассказ и с большой радостью нашел, что восхищение мое от Вашего чтения сохранилось во мне в полной мере и при этом чтении. <...> Общий вывод — ясность, живость. Наблюдательность и знание языка. 2 февраля 1941 г.»*⁴

Андрей Платонович Платонов:

«Дорогой Александр Иванович!

Я прочитал Вашу книгу «Москва-матушка». О книге я напишу после того, как она выйдет в свет, сейчас же сообщу о рукописи лишь свое краткое мнение.

Книга представляет собою большую ценность — не только в познавательном смысле, но и в литературно-художественном отношении. Ваше умение пользоваться рус-

ским языком стоит на превосходном уровне; Ваше мастерство в построении сюжета произведения (редкое качество у современных писателей) достигает временами того же искусства, что и у О. Генри (знаменитого американского мастера сюжетной новеллы).

Познавательное (и, следовательно, воспитательное) значение книги также очень велико. Мне лично не приходилось читать другой подобной книги, изображающей в столь живых образах сердце России — Москву. Еще один момент, важный, чтобы его отметить. Даже люди заблудшие, изображенные Вами, имеют черты человеческого очарования. Это доказывает наличие в Вас сердца писателя, это является результатом объективности художника.

*<...> Искренний привет, благодарный за Вашу книгу Андрей Платонов. 10. VIII-1940»*⁵.

Рукопись приняли к печати в издательстве «Советский писатель» в июне 1941 года, но публикации помешала война. После Победы дело пришлось начинать с нуля — в другом издательстве («Московский рабочий»). Александр Иванович исповедуется своей вечной confidentке Т. Л. Щепкиной-Куперник (письмо от 14 ноября 1946 года):

«...И почему-то страшно становится. И задумываешься, стоит ли продолжать писать на эту тему? А я уже листов шесть за эти два года накатал. Вот с этим душевным «смятением» я почему-то сегодня и вознамерился поделиться с Вами. Дай, думаю, напишу ей, облегу свою душу. И что интересно, чем ближе <...> к изданию книги, тем «трепет страха» все более и более обуревают меня, и думается мне: может, нужно было писать совсем по-другому? <...> [Редактор] вычеркнул из книги и Сухареву башню, и храм Христа, и Красные ворота. Когда я стал роптать, а он мне: «Вы знаете? Вы не знаете? А я знаю!» Ну, я и умолк. <...> Эх, если бы Вы знали, какими колоритными, типичными старомосковскими кусками я пожертвовал! <...> Вырезали, конечно, много и из второй книги. И кто? Пуганые зайцы! Люди, трясущиеся за свою лимитную карточку и литер ABC... А я вот их не имею, и поэтому честен, и хотел бы, чтобы цензором моим был честнейший и правдивейший человек на свете — Иосиф Виссарионович. Вот при таком редакторе душа моя не тряслась бы, как овечий хвост, а ликовала по-пасхальному. Вот тогда я показал бы Москву! Было бы на что взглянуть нашим с Вами потомкам. Ну да ничего не напишешь. Не так живи, как хочется. А ведь вычеркнуты,

Титул первого издания рассказов А. И. Вьюркова

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ И ВЫПИСКИ

в сущности говоря, самые невинные вещи. Вот что значит — у страха глаза велики. Все бояться, как бы во что не истолковали и как бы чего не вышло»⁶.

В конце концов «Рассказы о старой Москве» появились на прилавках магазинов в мае 1948 года. Второе издание вышло спустя десять лет, третье (расширенное и дополненное) — в 1960-м. Названием книги Вьюрков «обязан» Б. Л. Пастернаку, писавшему автору: «Очерки твои — скрытые художественные рассказы».

* * *

Не упомянут в МЭ и **Рихард-Павел Рудольфович Бернгардт** (1864—?), который работал архитектором на строительстве здания Московского университета и участвовал в возведении гостиницы «Метрополь» (1903). По бернгардтовским проектам в Москве строили мало (здание 5-й гимназии в Товарищеском переулке, 3 и некоторые другие объекты) — в основном перестраивали (Школа садоводничества и огородничества в Студенцах), однако имя его было на «московском слуху», оно постоянно встречается в документах.

* * *

Но Бог с ним, с Бернгардтом. Не тот масштаб... А вот почему отсутствует его соратник по профессии **Отто Вильгельмович Дессин** (1863—?)? Уж этот архитектор заслужил, чтобы быть включенным в МЭ. Его постройки во многом определяли облик Москвы и до сих пор являются ценными памятниками московской архитектуры. Например, возводившийся им вместе с Н. М. Проскурниным красивейший дом на Сретенском бульваре, 6. Дом — картинка! Ограда и ворота «тянут»

*Дом № 6 на Сретенском бульваре.
Открытка начала XX века*

*«Дессиновские» ворота.
Современная фотография*

на целый рассказ — настолько они ажурны и затейливы (их авторство целиком принадлежит Дессину). А здание телефонной станции в Милютинском переулке, 5? А фабричный корпус в виде замка с островерхими крышами на Воронцовской улице, 37? А Евангелическая больница на улице Воронцово Поле, 14/5? Разве всего перечисленного мало для энциклопедии?

* * *

На этом, пожалуй, остановимся. Повторю: нельзя объять необъятное. Энциклопедия не резиновая, приходится осуществлять отбор. Но работа над словариком должна продолжаться — для будущего.

¹ОР ГЦТМ. Ф. 90, ед. хр. 152662.

²Артамонов М. Д. Ваганьково. М., 1991.

³Он же. Введенские горы. М., 1993.

⁴РГАЛИ. Ф. 2550, оп. 2, ед. хр. 595, л. 2.

⁵Там же. Ф. 1452, оп. 1, ед. хр. 165, л. 6.

⁶Там же. Ф. 71, оп. 1. ед. хр. 493, л. 12—13.